

Э.Р. Козай
г. Алматы
Казахский национальный
университет имени аль-Фараби

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ СЕМАСИОЛОГИИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Тема «Моносемия и полисемия как проявление системных отношений в лексике» занимает особое место в семасиологии, являясь центральной. Многолетняя практика проведения лекционных и практических занятий, рубежного контроля, а также итогового контроля (экзамена) по дисциплине «Лексикология современного русского языка» на филологическом факультете университета показала, что студенты бакалавриата испытывают затруднение при изучении этой темы, в частности, при разграничении метафоры и сравнения (особенно сравнения, выраженного творительным падежом), метонимии и синекдохи, классификации метафоры и метонимии.

В связи с вышесказанным цель настоящей статьи заключается в более подробном, чем это делалось до сих пор в имеющихся учебниках, освещении одного из трудных для осмысления вопроса – классификации метафоры. Этот вопрос достаточно подробно изложен в вузовских учебниках Н.С. Валгиной [1], Н.И. Гайнуллиной [2], Новикова [3], Д.Э. Розенталя [4], Фоминой [5] и др. Авторы обычно классифицируют метафору по двум логическим основаниям: по характеру сходства и по степени образности. Помимо этих двух классификаций, в современной лексикологии существует также тематическая классификация метафоры [6]. Ее возникновение связано с развитием лингвистической теории, появлением частных научных наблюдений и обобщающих работ в области семантики, результаты которых стали достоянием научной общественности.

В основе тематической классификации лежит понятие «тематическая группа», под которой понимается совокупность слов, которые объединены общей темой. Как известно, критерии выделения тематических групп лежат вне языка и связаны с классификацией самих реалий действительности. По определению Н.И. Гайнуллиной «Тематические группы – это, как правило, наборы слов одной части речи, которые могут вступать в синонимические отношения, обладают общностью способов словообразования и объективной многозначностью» [2, с.13].

В современной лингвистической литературе выделяются следующие тематические группы метафор: антропоморфная метафора, зооморфная метафора, группа метафор-фитонимов, театрально-музыкальная тематическая группа метафор, группы метафор, связанных с названиями драгоценных камней и металлов, названиями тканей и материалов, наименованиями явлений природы. По мере развития лингвистической теории и дальнейшего накопления языковых фактов тематическая классификация может дополняться, расширяться и уточняться.

Рассмотрим названные выше группы подробнее. В.Н. Телия в монографии «Языковая номинация: Виды наименований» отмечает склонность «...человеческого мышления к зооморфному и антропоморфному отражению мира» [7, с.209], что дает возможность выделению двух тематических групп: зооморфных метафор и антропоморфные метафор. Охарактеризуем каждую группу и проиллюстрируем примерами.

Зоонимы – достаточно широкая и разнообразная группа наименований, употребляемая не только в первичном номинативном значении для наименования животных, рыб, птиц, пресмыкающихся, насекомых, но и активно используемая в качестве лексических единиц, выполняющих экспрессивно-характерологические и оценочные функции. Издавна зооморфные метафоры использовались для характеристики человека, его поведения, свойств характера, облика и т.п. Например: «Новый начальник имел репутацию *медведя* в обращении» (Толстой); «Суслов – уехал, – шептала Варвара. – Он, вероятно, знал, что будет обыск. Он – хитрая *лиса*» (Горький); «Гуртовщик из себя молодчина, *орёл*» (Толстой); «София: Не человек, *змея!*» (Грибоедов); «Миловидов был подрядчиком на шахтах, вернулся в село перед войной, стал держать тайный шинок с закладом... Такой *паук*, ростовщик... Все село высосал по мелочам» (Толстой); «И отец и тетенька очень дорожили Аннушкой, что не мешало им, впрочем, звать ее то Анюткой, то Анкой-*каракаطيعей*» (Салтыков-Щедрин).

Именно зооморфная метафора использована в эпиграмме А.П. Сумарокова «Посол осел». Умелое обыгрывание слов-паронимов «посол», «осел», актуализация переносного значения лексемы «осел» и создало комический эффект произведения:

В Венеции послом шалун какой-то был,
Был горд, и многим он довольно нагрубил.
Досадой на него венециане дышут
И ко двору о том, отколь посол был, пишут.
Там ведают уже о тьме посольских врак.
Ответствуют: «Его простите, он дурак.
Не будет со ослом у человека драк».
Они на то: «И мы не скудны здесь *ослами*,
Однако мы *ослов* не делаем послами» [8, с.77].

Особую группу слов в переносном значении составляют антропоморфные метафоры. При их образовании происходит перенесение человеческих черт, характеристик на неодушевлённые предметы и явления. Например: «Отставшие *обои дышали*, нависая громадным *брюхом* над русой головой флейтистки» (Ким); «Татьяна пишет. / И всё Евгений на уме, / И в необдуманном письме / *Любовь* невинной девы *дышит*» (Пушкин); «Пахнет вербой и смолою. / *Синь* то *дремлет*, то *вздыхает*. / У лесного аналога / *Воробей* псалтырь *читает*» (Есенин); «Робко, томно и глубоко / *Плакали струны* мои. / Ветер принес издалика / Звучные песни твои» (Блок); «*Улыбается осень* сквозь слезы, / В

небеса улетает мольба, / И за кружевом тонкой березы / Золотая *запела труба*» (Блок); «*Вечер* черные брови *насупил*» (Есенин); «Новый день – не тот, что бьётся / С ветром в окна по весне! / Пусть без умолку *смеётся* / Небывалый день в окне!» (Блок); «*И ветер поёт и пророчит* / Мне в будущем – сон голубой...» (Блок).

В литературоведении этот тип метафоры называют олицетворением или прозопопеей. Олицетворение, прозопопея – (от греч. *prosopon* – лицо и *poieo* – делаю), перенесение человеческих черт (шире – черт живого существа) на неодушевлённые предметы и явления, один из древнейших тропов, своим возникновением обязанный анималистическим представлениям человека. Прозопопея занимает важное место в мифологии, в фольклоре. Вспомним, например, фантастические персонажи: говорящих зеркальце, яблоню и печь в русских народных сказках; Соловья-разбойника в былинах; животных, поступающих как люди, в баснях. Примером использования олицетворения в поэтической речи могут служить стихотворения «Утес» М.Ю. Лермонтова, «Рифма, звучная подруга» А.С. Пушкина, «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» В.В. Маяковского.

Огромное значение в построении олицетворения принадлежит глаголу, который, употребляясь в переносном значении, способен наделить животных и неодушевленные предметы качествами человека. На эту особенность глагола «одушевлять» предметы и явления природы давно обратили внимание исследователи русской речи, в частности, А.М. Пешковский писал об этом свойстве глагола, анализируя стихотворения А.С. Пушкина и А.В. Кольцова [9, с.89]. Сергей Есенин и Борис Пастернак также активно используют олицетворение. Анализ их пейзажной лирики позволяет сделать вывод, что поэты широко используют этот прием, однако грамматическая основа олицетворения у них разная. У Сергея Есенина в основном неодушевленные предметы и явления приобретают облик людей, животных, и поэтому олицетворение строится на внутренних языковых сравнениях и сопоставлениях: рыжий ласковый олененок (о ветре), жеребенок, теленок (о месяце). Очеловеченные образы деревьев имеют у С. Есенина портретные подробности, например, у березы – стан, бедра, ножка, прическа: «Злой октябрь осыпает перстни / С коричневых *рук берез*» (Есенин); «Хороша ты, о белая гладь! / Греет кровь мою легкий мороз! / Так и хочется к сердцу прижать / Обнаженные *груды берез*» (Есенин); «Над ним *береза*. / Веткой упираясь, / *Говорит* сквозь слезы, / Тихо *улыбаясь*» (Есенин) и т.п.

В отличие от С. Есенина Б. Пастернак обычно подчеркивает не внешнее сходство природных явлений с человеком, животным, а указывает на сходство действий. Он очеловечивает действия природы: «*И лес шелушится* и каплями / *Роняет* струящийся пот»; «*Сады тоинит* от верст затишья»; «За окнами давка, *толпится* листва»; «Когда ж *трава, отряхиваясь, вскочит*»; «*Дышат* ночью тучи, провода, / *Дышат* зданья, *дышит* гром и лето» (Пастернак).

Особую тематическую группу составляют метафорические названия, возникшие в результате переосмысления названий деревьев, кустарников, цветов и т.п. Это так называемая группа фитонимов, например, «...это

открытие почему-то утихомирило недовольное сердце человечка с карличьей физиономией, и, отвернувшись, он закрыл глаза, пытаясь уснуть, а может быть, пытаясь вспомнить, кто он, когда родился на свет, зачем... Но ничего этого не вспомнив, увидел сей наполовину высохший *можжевелик* нечто другое» (Ким); «*Дуб* – это человек со слишком прямым, не гибким мышлением, без эмоций, не понимающий и не чувствующий юмора, иронии» (Калинин).

В систему метафорических средств языка и художественной речи также попадают названия металлов, минералов, драгоценных камней и т.п., например: «Знать только ивовая *медь* / Нам в сентябре с тобой осталась» (Есенин); «Застынет всё, что пело и боролось, / Сияло и рвалось: / И зелень глаз моих, / И нежный голос, / И *золото* волос» (Цветаева); «*Бриллианты* в свете лунном, / *Бриллианты* в небесах, / *Бриллианты* на деревьях, / *Бриллианты* на снегах» (Фет). Широко используются переносные употребления названий материи, например: «Ропот ветра в тяжелых *шелках листвы*» (Ким); «До сегодня ещё мне снится / Наше поле, луга и лес, / Принакрытые сереньким *ситцем* / Этих северных бедных *небес*» (Есенин); «К большому подойдя окну, / Ты плачешь, бедная царица, / Окутали твою страну / Полотнища *ночного ситца*» (Ходасевич); «Гуляет, как призрак разврата / Пушистый *ватин тополей*» (Пастернак).

Активно используются и переносные употребления названий явлений, состояний природы, например: «Ты встанешь бурною волною / В *реке* моих *стихов*...» (Блок); «Шли годы. / *Бурь* порыв мятежный / Рассеял прежние мечты...» (Пушкин); «*Звезда любви* над ней горит...» (Козлов); «Тебе ль искать земного счастья / В холодном *море бытия?*» (Губер); «*Житейский вихрь* её терзал...» (Толстой); «Мою любовь, широкую, как море, / Вместить не могут *жизни берега*» (Толстой); «И *страсти* роковой вздымаются *потоки*...» (Фет); «Все, кружась, исчезает во мгле, / Неподвижно лишь *солнце любви*» (Соловьёв).

Достаточно часто встречаются метафоры театрально-музыкальной тематической группы, например: «Но память верно сохранила / И образ тихой красоты, / И сад, и вечер, и свиданье... – / Всю эту *музыку любви*» (Огарев); «И меж тем, как *музыкою счастья* упоён...» (Майков); «Не проси от меня / Светлых *песен любви*...» (Суриков); «С последней *песнею любви* / Я очи грустные смежаю» (Фофанов); «Было поздно в наших умах. / *Пела полночь* с дальних башен» (Бальмонт); «Николай Николаевич Тураев плыл к дому, смятенно размышляя о том, что в эту ночь ему открылось как бы внутреннее пространство *сцены*, самое чрево божьего *театра*, наполненное причудливыми громадами невнятных черных *декораций!*» (Ким); «Сотни раз видел командир 1012-го торжественные *феерии* океанских закатов и все-таки к ним привыкнуть не мог» (Лавренев); «Окно, и ночь, и пульсом бьющий иней / В ветвях, – в узлах височных жил. Окно, / И синий лес висячих *нотных лилий*, / И двор. Здесь жил мой друг. / Давно-давно» (Пастернак); «Когда *ручьи поют романс* / О непролазной грязи» (Пастернак); «Я люблю твой замысел упрямый / И *играть* согласен эту согласен эту *роль*. / Но сейчас другая *драма*, / И на это раз меня уволь. / Но продуман распорядок *действий*, / И неотвратим конец пути. /

Я один, все тонет в фарисействе. / Жизнь прожить – не поле перейти» (Пастернак).

И, наконец, еще одна тематическая группа – «медицинские» метафоры, например: «*Чахнет снег и болен малокровьем / В веточках бессильных синих жил*» (Пастернак).

С помощью этого типа метафоры создается образ больной осенней природы в стихотворении Б. Пастернак «Спасское»:

Незабвенный сентябрь осыпается в Спасском.
Не сегодня ли с дачи съезжать нам пора?
За плетнём перекликнулись эхо с подпаском
И в лесу различило удар топора.
Этой ночью за парком *знобило трясину*.
Только солнце вошло, и опять – наутёк.
Колокольчик не пьёт *костоломных росинок*.
На берёзах не смытый *лиловый отёк*.
В ночь кончины от тифа сгорающий комик
Слышит гул: гомерический хохот райка.
Нынче в Спасском с дороги бревенчатый домик
Видит, *галлюцинируя*, та же тоска [10, с.142].

Анализ метафор, функционирующих в произведениях мастеров художественного слова, обнаруживает интересную тенденцию к их тематическому единству. Насыщение текста метафорами одной тематической группы позволяет создавать развёрнутый художественный образ.

В высшей школе идет поиск новых форм и средств повышения качества подготовки специалистов. Всесторонняя профессиональная подготовка не может строиться только на приобретении готовых знаний, она предполагает формирование практических навыков и умений, развитие творческих способностей личности. Успешное усвоение теоретического материала, связанного с тематической классификацией метафоры, применение полученных знаний на практике в процессе семасиологического анализа текста, выполнение заданий, связанных с поисково-экспериментальной фазой деятельности обучающихся (квалификационные и классификационные задания), будет способствовать решению поставленных задач.

Литература

1. Современный русский язык: Учебник для вузов / Под ред. Н.С. Валгиной. Изд.6-е, перераб. и доп. – М., 2003. – (Серия «Учебник XXI века»).
2. Гайнуллина Н.И. Лексикология русского языка. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Алматы, 2003.
3. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М., 1982.
4. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. – М., 2003.

5. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология: учебник. – М., 2001.
6. Когай Э.Р. Типология переносов наименований. Учебное пособие. – Алматы, 2011.
7. Языковая номинация: Виды наименований. – М.,1977.– 357 с.
8. Русская эпиграмма. Классики и современники. Поэтическая библиотека. –М., 1990.
9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.; Л., 1928.
10. Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. Классики и современники. Поэтическая библиотека. –М., 1988.